

7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.В. МОРГИЛЕВСКОГО
(ВИЗАНТИЯ, КАВКАЗ, КИЕВСКАЯ РУСЬ)**

Ненашева Елена Юрьевна

*пресс-секретарь Национального союза архитекторов Украины,
Украина, г. Киев*

E-mail: nsau-pressa@ukr.net

**THE DIALOGUE OF CULTURES
IN H.V. MORGILEVSKY'S INTERPRETATION
(BYZANTIUM, THE CAUCASUS, KIEVAN RUS)**

Nenasheva Elena

*Press attaché of the National Union of Ukrainian Architects,
Ukraine, Kiev*

АННОТАЦИЯ

Особенностью изучения культуры Киевской Руси в 1920-е — в начале 1930-х годов на Украине была инкорпорированность в широкие исследовательские программы востоковедения. На основе архивных материалов, вводимых в научный оборот, очерчен вклад киевского медиевиста И.В. Моргилевского (1889—1942) в разработку проблематики, связанной с определением значения Кавказа в европейской культуре Средневековья.

ABSTRACT

The special character of Kievan Rus culture studies in the 1920s and early 1930s in Ukraine was their incorporation into extensive Orientalistic research programs. The article is based on archival materials for the first time introduced to the scientific researches, which shows Kiev's medievalist H.V. Morgilevsky's (1889—1942) numerous attempts to place the Caucasus within mediaeval European culture.

Ключевые слова: Ипполит Моргилевский, медиевистика, ориенталистика, Средневековье, Киевская Русь, Византия, Кавказ.

Keywords: Hippolyte Morgilevsky, Medieval studies, Oriental studies, the Middle Ages, Kievan Rus, Byzantium, the Caucasus.

Актуальность. Киев всегда занимал особое место в освоении средневекового прошлого Руси, благодаря высокой концентрации памятников и долгой исследовательской традиции. В межвоенный период XX века (20—30-е годы) эти исследования проходили в русле программных задач Всеукраинской академии наук (ВУАН). С момента основания ВУАН в 1918 году одним из приоритетных направлений академических исследований становится востоковедение: потребность в развитии ориенталистики и византистики была обоснована уже в законопроекте об учреждении Академии Д.И. Багалеем, А.Е. Крымским, Г.Г. Павлуцким, Е.К. Тымченко, Ф.И. Шмитом, а в скором времени востоковедческие исследования проводились по множеству направлений. Однако в начале 1930-х годов украинское востоковедение было директивно уничтожено, все учреждения ликвидированы, большинство ученых стало жертвами политических репрессий. В результате ориенталистическая составляющая была исключена из самых разных смежных дисциплин, в т. ч. истории культуры Киевской Руси. Таким образом, и в историографии, и в нашем представлении о научном наследии отдельных ученых появились соответствующие лакуны.

К таким ученым относится киевский медиевист, византист, историк культуры и архитектуры И. В. Моргилевский. Благодаря его участию в Византологической комиссии при ВУАН (1926—1930, руководители Ф.И. Мищенко, П.П. Кудрявцев), Комиссии по изучению истории Ближнего Востока при ВУАН (1930—1933, руководитель К.Ф. Штепа), Киевском филиале Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (*укр.* ВУНАС, 1926—1930), Всеукраинских востоковедческих съездах ВУНАС (1927, 1929), Украинском научно-исследовательском институте востоковедения (1930—1933) — изучение

культуры Киевской Руси было инкорпорировано в широкие исследовательские программы востоковедения. Однако до последнего времени его исследования памятников Абхазии, Карачаево-Черкесии, Грузии, Армении, Туркестана и Малой Азии не были введены в историографию соответствующих отраслей востоковедения, и имя Моргилевского в этом контексте вообще не упоминалось. Попытка частично восполнить этот пробел в научной биографии ученого предпринимается в настоящей статье.

Цель исследования — на основе архивных материалов, вводимых в научный оборот, расширить представление о творческом наследии И.В. Моргилевского, в частности, обозначить его вклад в разработку проблематики, связанной с определением значения Кавказа в европейской культуре Средневековья.

Сведение фрагментарной и разрозненной информации, хранящейся в личных фондах И.В. Моргилевского и Д.П. Гордеева в ЦГАМЛИ Украины и фонде ВУАН в Институте рукописи НБУВ, проливает свет на экспедицию Моргилевского на Северный Кавказ летом 1930 года. Научные взгляды Моргилевского реконструируются в сравнительном аспекте, на фоне исследований не только киевских ученых, но и представителей других научных центров.

19 июля 1930 года И. Моргилевский в качестве заведующего Музеем архитектуры «Всеукраинского музейного городка» в Лаврском государственном культурно-историческом заповеднике получил командировку «с целью изучения, фотографирования и обмеров памятников древней архитектуры в область рек Теберды и Зеленчука» [3]. 2 сентября он пишет из Теберды в Тифлис кавказоведу и византинисту Д.П. Гордееву: «Завтра собираюсь покидать Карачай, пробыл тут больше месяца. Три Зеленчукских, Шоану и Сенты обмерял, сфотографировал и описал. Везу большой материал» [4]. Тем не менее отчет-доклад Моргилевского «О путешествии к Теберде и Зеленчуку: памятники архитектуры», зачитанный им 15 марта 1931 года в Комиссии по изучению истории Ближнего Востока при ВУАН

и дошедший до нас в кратком конспекте секретаря Комиссии Г.Н. Лозовика, начинается не с памятников Теберды и Зеленчука, а с соседней Абхазии [5]. Ученый останавливается на двух Успенских соборах X века — в селах Моква и Лыхны. В результате постоянной экспедиционной работы Моргилевского на Кавказе, проводившейся в контексте исследований архитектуры Киевской Руси, абхазский материал не был новым. Напротив, служил основой для включения тебердинских и зеленчукских соборов в круг памятников, формировавших концепцию ученого. До наших архивных находок ни концепция, ни содержание его абхазских и карачаевских исследований были неизвестны. А потому есть смысл рассмотреть определение Моргилевским архитектурных типов упомянутых соборов в связи с происхождением типа пятинефной крестово-купольной церкви, к которому принадлежит основной объект исследований ученого — София Киевская.

Из конспекта Г. Лозовика: по поводу абхазских храмов «докладчик рассказывает о памятниках Абхазии в Мокве близ г. Очамчиры, в которых исследователи видели предшественника собора Софии в Киеве. В боковых пристройках докладчик, вопреки Кондакову, усматривает не галерею, а погребения, что делает из Моквы типичную колониальную постройку. Церквушка в Лыхнах является следующей стадией в формах этого строительства» [5].

Н.П. Кондаков: византийское движение. В своих теоретических посылах И. Моргилевский отталкивается от распространенных воззрений на сходство архитектуры Киевской Руси и средневековой абхазской, на возможную «генеалогическую» связь пятинефной Софии Киевской с хронологическим предшественником — пятинефным собором в Мокве. В свое время эти взгляды обобщил Н.П. Кондаков в работе «Древняя архитектура Грузии» (1876): «Много раз уже была указывается близость отношений между грузинской архитектурой и русской древнейшего периода, и притом не только в плане, но и в украшениях (Филимонов). План церкви в Мокви тождествен с св. Софией Новгородской, и для Фергюссона (Fergusson)

это указывает на связь страны. Далее, сравнивают Киевский собор с Кутаисским (Schnaase)» [8, с. 56].

Впрочем, сам Н. Кондаков рассматривает родственные архитектурные явления Средневековья не посредством заимствований, а в русле общего движения христианской архитектуры как дальнейшего развития византийской и древнехристианской на национальной почве, что объясняет, по мнению ученого, наблюдаемое здесь разнообразие: «...мы получим широкую область общего и народного движения в искусстве, охватившего весь христианский мир в начале средних веков, от Ирландии до Греции и далекой Грузии. Тогда объяснится нам и странное доселе сходство в художественных формах Ломбардии и Грузии, и вместе с тем резкое различие от памятников южной Италии и т. п.» [8, с. 57].

В таком ключе Н. Кондаков обозначает сходство архитектуры Киевской Руси с грузинской средневековой, подчеркивая архитектурные параллели Грузии и с другими странами: «Точно так же легко можно было бы найти много точек соприкосновения с церквами Сербии, как в планах (Жича, Студеница и пр.), так и в общих архитектурных формах, употреблении щипца и орнаментике» [8, с. 54]. Эта мысль развивается и в более поздних работах, например, в исследовании И.И. Толстого и Н.П. Кондакова «Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева» (1891): «...базиличный план усложняется в грузинской архитектуре постройкой боковых притворов в виде открытых длинных портиков или закрытых галерей. <...> В них, конечно, нельзя видеть отступление от принятого плана, а напротив, — стремление к его развитию. В этом смысле ход развития архитектуры в Грузии вполне аналогичен с историей византийской архитектуры, как на родной ее почве, так и в России, Сербии, Сирии, Малой Азии и пр.» [10, с. 38].

Н. Кондаков не отделяет какой-либо памятник от монолитного единства всей культуры византийского ареала и описывает его генезис более разнопланово, нежели повторение отдельного памятника или группы памятников, даже если между ними очевидно формальное сходство. Основой

для этого является, во-первых, иконографический метод, предоставляющий большую фактологическую базу, во-вторых, трактовка теории влияний как влияний идей и только потом — форм.

Й. Стржиговский: армянское влияние. В начале XX века австрийский историк искусства Й. Стржиговский выдвинул теорию о влиянии ранней христианской архитектуры Армении на средневековую архитектуру европейских и переднеазиатских стран. В работах «Малая Азия» (1903), «Архитектура армян и Европа» (1918) Стржиговский указывает на родство собора в Мокве с Софией Киевской и утверждает зависимость последней от архитектуры Кавказа [14, с. 848; 15, с. 176]. Многие отметили спорность его доводов о влиянии Армении на Византию, однако признали влияние Кавказа на Европу. Французский византист Ш. Диль в «Руководстве по византийскому искусству» (1910, 1925) пишет: «Грузия наследовала Армению, и оттуда поток достиг России и южных славян <...> параллельно константинопольскому искусству, Армения, сама, однако, данница Византии, способствовала распространению в восточном мире методов христианского искусства» [цит. по: 6, с. 46—47].

И. Моргилевский: «черноморско-византийская ветвь с армянскими прослойками». В докладе об экспедиции к Теберде и Зеленчуку И. Моргилевский оспаривает мнение Й. Стржиговского по поводу происхождения Софийского собора в Киеве: «Докладчик не соглашается выводить Киевскую Софию из типов византийского строительства в Мокве, Лыхнах, Зеленчуке, Теберде...» [5]. Этот вывод совпадает с линией Н. Кондакова. Именно совпадает, а не продолжает ее, поскольку Моргилевский основывает все свои доводы исключительно на собственных натуральных исследованиях. Его взгляды на моквский собор весьма отличаются от общей исторической схемы Кондакова. Несмотря на приведение выводов ученых к общему знаменателю — признание византийского родства Софии Киевской с собором в Мокве, но непризнание последнего ее непосредственным прототипом, — их аргументы не совпадают. Кондаков не поднимает вопроса

непосредственного заимствования, утверждая аналогичность повсеместного развития средневековых архитектурных типов, в частности, трансформации базиликального трехнефного типа византийской церкви в пятинефный, путем добавления боковых галерей. Моргилевский, наоборот, отрицает принадлежность моквского памятника к такому трансформированному типу через отрицание самих галерей: «В боковых пристройках докладчик, вопреки Кондакову, усматривает не галерею» [5].

Справедливости ради заметим, что утверждения Н. Кондакова о соборе в Мокве не оригинальны и, скорее всего, не были результатом собственной экспедиционной работы. Характеристика памятника, помещенная Кондаковым в четвертом издании «Русских древностей» (1891), совпадает с цитатой акад. Броссе (“Histoire de la Georgie par Brosset”, 1849) и грузинского историка Д.З. Бакрадзе («Записки Общества любителей Кавказской археологии», 1875), приведенной А.М. Павлиновым в отчете «Экспедиция на Кавказ 1888 г.». Кондаков добавляет лишь замечание об исключительном для грузинской архитектуры случае пятинефного плана и о его сходстве, именно по количеству нефов, с Софией Киевской [9, с. 14; 10, с. 56]. Когда «в боковых пристройках» храма в Мокве Моргилевский «вопреки Кондакову усматривает не галерею, а погребения», он спорит не столько с Кондаковым, сколько с Броссе и Бакрадзе. Что доказывает незаангажированность мнения Моргилевского, который в обход научных авторитетов руководствуется собственным архитектурно-археологическим анализом. Показательна его ремарка в письме Д. Гордееву от 17 марта 1929 года по поводу погрешностей существующих обмеров: «Я минувшим летом посетил Санаин, Ахпат, Урбниси и Мокви, привез много фотографий, а Моквийскую церковь и обмерял, прожил там довольно долго. Уже вычертил то, что намерял, вышло очень интересно, только на то, что у Павлинова “савсэм не пахожи”, у старичка “невязочки” от 50 см до 1 mtr. совсем обыкновенное дело» [2].

По Н. Кондакову, грузинская средневековая архитектура через усвоение греческого плана примыкает к древнехристианской с соответствующей

символизацией в ее богослужебном составе и наследует от Византии преимущество «духовного» содержания, но «иные части здания, обусловленные в древнехристианской архитектуре известным временным назначением, здесь утратили этот прямой смысл и играют роль символических деталей» [8, с. 16]. Такими деталями является, во-первых, нартекс, который играл в древнехристианских церквях важную роль в размещении оглашенных и кающихся и наличие которого в грузинских церквях не оправдывается ни архитектурными, ни обрядовыми причинами. Во-вторых, разделение внутреннего пространства на три нефа также не имеет функциональной нагрузки, поскольку гинекей, который размещался в боковых нефях, со времен Софии Константинопольской был перенесен на хоры, а потом и вовсе исчез.

Учитывая трактовку трехнефной композиции как не имеющей функции, трудно найти логическое функциональное объяснение появлению дополнительной пары нефов в соборе в Мокве. Неудивительно, что Н. Кондаков не рассматривает их в функциональном аспекте.

Мнение И. Моргилевского по поводу функционального назначения наружных продольных частей собора в Мокве было совершенно определенным — места захоронений. Показательно, что он даже не называет эти «боковые пристройки» нефами. В таком контексте памятник вообще трудно отнести к архитектурному типу пятинефной крестово-купольной церкви (хотя констатация пятичастного плана была и остается общим местом в его описаниях), — приведенные в докладе характеристики больше соответствуют трехнефной церкви с пристройками-усыпальницами. И действительно, в полевом дневнике Моргилевского собор в Мокве описан как трехнефный [1]. Такая интерпретация «делает из Моквы типичную колониальную постройку» и обнаруживает позицию Моргилевского касательно определения этого архитектурного типа византийской провинции. В открытке Д. Гордееву, отправленной из Теберды 2 сентября 1930 года, он дает имя этой группе памятников: «Самая интересная Зеленч[укская церковь] 1.,

прежде всего потому что она сосредоточивает в себе все особенности *черноморско-визант[ийской] ветви с армянскими прослойками*» [4].

Н.И. Брунов: «угасающий тип». Похожую позицию мы видим у Н. Брунова в работах «Пятинефные крестово-купольные церкви в византийской архитектуре» (1927) и «Путешествие в Константинополь, Никею и Трапезунд» (1928). Брунов считает пятинефное разделение — характерной чертой столичной архитектурной школы, унаследованной от античного перистиля и обусловленной константинопольским богослужением, тогда как трехнефная композиция господствует в провинциальной (или «колониальной», по И. Моргилевскому) византийской архитектуре [11; 12].

Согласно Н. Брунову, пятинефная крестово-купольная церковь, которая была импортирована в провинции, постепенно превращается в трехнефную, поскольку пятинефный тип не прижился. На Руси эта столичная традиция укоренилась глубже, чем на Востоке. Сравнивая Софию Киевскую и собор в Мокве, Брунов отмечает «угасающий тип» моквского памятника: «В Мокве мы ясно видим, что из пятинефной крестово-купольной церкви вырисовывается трехнефная крестово-купольная церковь, что галерея отмирает и только совсем слабо связана с главной частью» [11, с. 81]. Эта трактовка совпадает с типологической эволюцией абхазских памятников, по И. Моргилевскому. «Церковка в Лыхнах» — трехнефная, но в отличие от моквского собора, без пристроек — трактуется Моргилевским как «следующая стадия в формах этого строительства».

Грузинский аспект: Н.П. Кондаков—Г.Н. Чубинашвили. Анализируя интерпретацию абхазских соборов И. Моргилевским, необходимо выделить еще один аспект. «Все эти памятники, — подытоживает Моргилевский, — можно характеризовать как архитектуру византийскую с армянскими наслоениями» [5]. Этот взгляд характерен для европейской науки XIX — начала XX века, когда армянская и грузинская традиции не разграничивались, а считались закавказским ответвлением византийской архитектуры. Однако

эпитет «армянская» относительно всей архитектуры Закавказья отражал распространенную недооценку роли Грузии в развитии этой единой архитектурной традиции.

Первая попытка понять и адекватно оценить значение собственно древнего грузинского зодчества принадлежит Н. Кондакову («Древняя архитектура Грузии», 1876). Но вопрос самобытности грузинской архитектуры приобрел чрезвычайную остроту и актуальность именно в 1920-е годы, после издания монографии Й. Стржиговского «Архитектура армян и Европа» (1918), где автор четко разделил грузинскую и армянскую архитектуру по признаку арийского происхождения, объяснив творческие потенции Грузии в свете расовой теории в пользу Армении. Эту концепцию Й. Стржиговского категорически опроверг Г. Чубинашвили в статье 1922 года «Христианское искусство Кавказа и его связь с всемирной историей искусства (Критическая оценка книги Й. Стржиговского “Архитектура армян и Европа”): ученый фактически положил начало тенденции провозглашения исключительного национального своеобразия архитектуры народов кавказского региона, в частности, независимого развития грузинской архитектуры от армянской [13].

А.Ю. Казарян: византийско-иранский контекст. Интересно, что почти через десять лет после статьи Г. Чубинашвили И. Моргилевский определяет архитектурные черты абхазских соборов как «армянские наслоения». Но когда Моргилевский причисляет абхазские памятники к типам византийского строительства, он игнорирует и утверждение Й. Стржиговского об изолированном географическом положении Грузии, которое препятствовало влиянию на нее Византии.

Однако не следует считать позицию И. Моргилевского консервативной лишь потому, что он не разделяет как радикальную концепцию Й. Стржиговского, так и реакцию на нее Г. Чубинашвили. Современные исследователи неоднозначно оценивают обе теории. Так, А. Казарян видит в популярности взглядов Стржиговского и Чубинашвили причину искусственного отрыва архитектуры региона от процессов развития культуры

Востока и Средиземноморья: «Тенденция к резкому вычленению армянского и грузинского искусства из рамок византийской традиции привела к минимизации сопоставлений одновременных явлений в Закавказье и Византии и в итоге — к обеднению наших представлений о восточно-христианском искусстве в целом. Существующая тенденция отразилась и на трудах по истории византийской архитектуры <...> Поэтому давно назрела необходимость изучения архитектуры Закавказья в контексте традиции византийского и иранского миров» [7]. Таким образом, позиция Моргилевского актуализируется методом «отрицания отрицания». Необходимо было углубиться в изучение самобытности региональных особенностей, чтобы снова вернуться к общему византийскому контексту.

Выводы. Ни один византинист после Й. Стржиговского не мог не затронуть вопрос о значении Кавказа в европейской культуре Средневековья. Архивные материалы 1928—1931 годов свидетельствуют о причастности к этой проблематике киевского исследователя И. Моргилевского, которого интересуют памятники Кавказа в связи с историей культуры Киевской Руси. При сравнительном изучении этих материалов мы получаем реконструированную позицию Моргилевского в вопросе соотношения кавказских архитектурных типов (памятники в Мокве, Лыхнах в Абхазии, вблизи рек Теберды и Зеленчука в Карачаево-Черкесии) с восточно-христианской архитектурой. В частности, решается вопрос о влиянии моквского собора на Софию Киевскую. Выводы Моргилевского отрицают концепцию Стржиговского как в отношении приоритетной роли Армении в развитии кавказской архитектуры по сравнению с ролью Византии, так и относительно происхождения киевского Софийского собора от Успенского собора в абхазской Мокве.

Поскольку Й. Стржиговский, придавая большое значение Армении, пытался создать противовес точке зрения Н. Кондакова, который «охотно выдвигает на первый план Грузию» [цит. по: 6, с. 41], можно было бы предположить, что, не соглашаясь со Стржиговским, Моргилевский будет

следовать логике Кондакова. Однако нет, выдвигая новую интерпретацию архитектурного типа собора в Мокве, ученый демонстрирует независимость взглядов как от сторонников теории Стржиговского, так и от их оппонентов. В противовес Кондакову, который считает моквский памятник византийским типом пятинефной крестово-купольной церкви, Моргилевский определяет церковь как трехнефную с пристройками-усыпальницами. Этот тип, по Моргилевскому, эволюционирует в сторону кристаллизации чистой трехнефной композиции. Примером следующей эволюционной стадии является трехнефная церковь в Лыхнах, которая не имеет пристроек.

Эволюция архитектурных типов моквского и лыхненского соборов становится контраргументом в вопросе происхождения пятинефной Софии Киевской от собора в Мокве. Эта концепция И. Моргилевского близка к интерпретации моквского собора Н. Бруновым как импортированного византийского типа, который на Кавказе «угасает» и поэтому не может быть прототипом для более выраженного примера пятинефной крестово-купольной церкви на Руси — Софии Киевской. Вместе с тем выводы Моргилевского полностью самостоятельны: основываясь на натуральных исследованиях, ученый формирует собственное видение развития локальных центров византийского культурного влияния.

Список архивных документов:

1. 1928, 26 августа. Описание И. В. Моргилевским плана собора в Мокве // ЦГАМЛИ Украины. — Ф. 87. — Оп. 2. — Дневник 5. — Л. 33.
2. 1929, 17 марта. И. В. Моргилевский — Д. П. Гордееву // ЦГАМЛИ Украины. — Ф. 208. — Оп. 1. — Дело 184. — Л. 1об.
3. 1930, 19 июля. Мандат про командировку И. В. Моргилевского. Лаврский ГКИЗ // ЦГАМЛИ Украины. — Ф. 87. — Оп. 1. — Ед. хр. 26.
4. 1930, 2 сентября. И. В. Моргилевский — Д. П. Гордееву // ЦГАМЛИ Украины. — Ф. 208. — Оп. 1. — Дело 184. — Л. 3.

5. 1931, 15 марта. Протокол № 12 заседания Комиссии по изучению истории Ближнего Востока, ВУАН // ИР НБУВ. — Ф.Х. — № 21805. — Л.30.

Список литературы:

6. Беридзе В. Против искажения истории грузинского искусства. — Тбилиси: Изд-во и тип. Акад. наук Груз. ССР, 1949. — 92 с.
7. Казарян А.Ю. Архитектура стран Закавказья VII в.: формирование и развитие традиции : диссертация ... д-ра иск. — М.: Гос. ин-т искусствоведения ФАКК РФ, 2007. / [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/297648.html> (дата обращения: 18.06.2014).
8. Кондаков Н.П. Древняя архитектура Грузии. — М.: Синодальная типогр., 1876. — 60 с.
9. Павлинов А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 г. // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского МАО, снаряженными на Высочайше дарованные средства. — Вып. III. — М., 1893. — С. 30—45.
10. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. IV. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. — СПб: Типогр. Мин-ва путей сообщения (А. Бенке), 1891. — 182 с.
11. Brunov N. Die fünfschiffige Kreuzkuppelkirche in der byzantinischen Baukunst // Byzantinische Zeitschrift. — Bd. 27. — 1927. — S. 63—98.
12. Brunoff N., Alpatoff M. Eine Reise nach Konstantinopel, Nicäa und Trapezunt // Repertorium für Kunstwissenschaft. — XLIX. — 1928. — S. 51—75.
13. Chubinashvili G. Die christliche Kunst im Kaukasus und ihr Verhältnis zur allgemeinen Kunstgeschichte (Eine kritische Würdigung Josef Strzygowskis "Die Baukunst der Armenier und Europa"). — Monatshefte für Kunstwissenschaft. — XV Jahrgang. — Heft 7—9. — Leipzig, 1922. — P. 217—237.
14. Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. — Bde. I-II. — Wien: Kunstverlag A. Schroll & Co., G. m. b. H., 1918. — 888 s.
15. Strzygowski J. Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. — Leipzig: Hinrichs, 1903. — 262 s.